

От редакции. Закон «О техническом регулировании» — наверное, один из самых важных нормативных документов для производителей продукции промышленного назначения, в том числе арматуры. Вступивший в силу более двух лет назад, этот закон значительно обновил основные принципы и правила, действующие в сфере технического регулирования в России. В статье А.Гевардовского, написанной специально для журнала «АС», предложен неожиданный взгляд на ситуацию, сложившуюся в результате такого обновления. Автор стремится определить место закона в правовой системе РФ, понять его реальное значение и судьбу в нашей «отдельно взятой» стране.

Для чтения данной статьи не требуется никаких специальных юридических или технических знаний, достаточно общих представлений о том, что такое техническое регулирование и что такое Российская Федерация. При этом, однако, советуем иметь под рукой текст нового закона, чтобы разбираться в авторских ссылках на его статьи.

А. Гевардовский, начальник юридического отдела ООО «Промтех-М», Москва

ЗАКОН «О ТЕХНИЧЕСКОМ РЕГУЛИРОВАНИИ» В РАКУРСЕ ПОЛИТИКИ ПРАВА

Введение

Федеральный закон «О техническом регулировании» (далее — Закон) вступил в силу 1 июля 2003 года. Еще на этапе своей разработки и обсуждения Закон обзавелся как убежденными сторонниками, так и яркими противниками. С тех пор разногласия между ними так и не сгладились, а в последнее время, в связи с подготовкой регламентов, споры разгорелись с новой силой. Ниже мы попробуем изучить социальную и правовую природу этих разногласий.

Критика Закона звучит с самых разных трибун, печатных страниц и веб-сайтов. Выступления носят разнообразный характер: от огульного охаивания с обвинениями авторов Закона в некомпетентности — до вполне конструктивного анализа его недостатков; от злопыхательских придинок к формулировкам его статей — до честных попыток понять, как же должна исполняться на практике та или иная норма.

В качестве критиков Закона выступают прежде всего технические специалисты — участники отношений в сфере технического регулирования. Это неудивительно. Именно у них имеются основания для того, чтобы быть недовольными и содержанием Закона, и самим фактом его появления. Здесь и естественный консерватизм, нежелание менять сложившуюся систему отношений, и искреннее стремление переделать всё «по уму», дабы Закон реально работал. Ведь он действительно далеко не идеален — в этом следует согласиться с его оппонентами.

Большинство конкретных претензий к Закону носят технический характер. В этой статье автор не будет касаться данной стороны вопроса, поскольку, честно говоря, в ней не компетентен. Мы лишь взглянем на некоторые спорные моменты с правовой точки зрения. К примеру, деятельное участие в споре о том, следует ли в регламентах указывать конкретные значения технических параметров, требует известного опыта и специальных знаний. Но предметом этого спора являются правовые нормы, а в основе его, как мы увидим в дальнейшем, лежат противоречия более общего характера. И в этом аспекте данный спор, несомненно, представляет для нас интерес.

◆ Революция?

На первый взгляд, именно несовершенство Закона есть причина многочисленных замечаний к нему.

Но и многие другие наши законы несовершенны (идеальных законов вообще не бывает, даже в природе), однако такого шквала критики не вызывают. Более того, за три года¹ противоборствующие стороны не слишком приблизились к согласию, и даже, кажется, не особо горят желанием его искать. Значит — делаем вывод — корень разногласий глубже, он заключен не в нормах Закона, а в самом факте его существования, вот именно в сфере политики права.

Что же такое больное затронул Закон, какие раны разбередил? Почему его иногда называют прямо-таки «революционным»? Ведь вроде бы не так уж много нового в его нормах по сравнению с ранее действовавшими правовыми актами. Но есть один важнейший момент, по сути своей — идеологический; причем он пронизывает весь текст Закона, а не заключен в какой-то конкретной статье. Закон устанавливает принципиально иную, новую для России роль государства в системе технического регулирования. А именно, огромная доля отношений в этой системе переходит из сферы действия административного права в область права гражданского. Государство оставляет за собой полномочия вмешиваться с административных позиций только в те вопросы, которые непосредственно связаны с безопасностью. Всё остальное, по замыслу создателей Закона, должен регулировать рынок.²

Но, значит, Закон не просто вносит те или иные назревшие поправки в отдельные элементы отношений технического регулирования, он призван изменить само существо системы этих отношений. В этом его предназначение, именно с этой целью он появился на свет, именно поэтому от него явственно пахнет «революцией». И именно из-за этого он вызвал своим появлением такой яростный отклик. Ведь чтобы «новый мир построить» — старый надо разрушить, пусть не обязательно «до основания», но...

И вот здесь Закон болезненно задевает конкретные интересы огромной армии людей, вовлеченных в действующую систему технического регулирования в роли проводников её администрирующего

¹ Закон был официально опубликован 31 декабря 2002 г. в «Российской газете» №245(3113), но проект его активно обсуждался еще в 2002 году.

² Важно отметить, и это многие упускают из виду, что ни Закон, ни что-либо другое не запрещает государству участвовать в отношениях в технической сфере в рамках гражданского права, то есть в качестве равноправного субъекта этих отношений, участника рынка.

начала: чиновников, ученых, работников системы сертификации! Одним он угрожает элементарной потерей работы, от других требует не просто подправить планы своей деятельности, но изменить стиль мышления, научиться иному подходу. И что самое «страшное»: реализация Закона призвана облегчить бремя расходов бизнеса на получение прав, связанных с введением продукции в хозяйственный оборот, и, следовательно, должна привести к оттоку финансов из сферы обязательной сертификации³. Ну а страх потерять доходы, как известно, вызывает активность даже у самых ленивых. Причем угроза эта не персональная, а системная, поэтому ощущение её зачастую бессознательное, из-за чего появляется сквозящее во многих критических статьях оруэлловское «двоумыслие»⁴: «Да, конечно, мы за прогресс, за рыночный путь развития России! Но этот закон не нужен, его надо отменить!» И замечания становятся похожими на придирки.

Казалось бы, тот факт, что у предприятий останется часть денег, расходуемых ныне на сертификацию, должен ими только приветствоваться. Но нет, и из стана производителей продукции раздаются недовольные голоса. Почему?

С одной стороны – законное (в образном смысле) раздражение: столько сказано высокопарных слов, а всё осталось как было, только еще хуже. Действительно, пока не приняты регламенты, система технического регулирования вроде бы продолжает действовать в прежнем режиме. Более того, на самом деле правовая основа этого режима на время переходного периода (а это 7 лет!) подорвана, что приводит в иных случаях к накладкам и произволу. Поясним. Новым законом (ст.47) отменены ранее действовавшие законы «О сертификации...» и «О стандартизации». В результате вплоть до принятия регламентов вся действующая система сертификации оказалась в правовом вакууме, «подвиснув» на расплывчатых нормах ст. 46 и не имеющих силы закона ведомственных актах. Сертификат – документ, необходимый и достаточный, чтобы продавать продукцию. Но, согласно закону (п.2 ст.25), он должен подтверждать соответствие требованиям регламентов⁵. А регламентов-то нет... Какую тогда силу имеют выдаваемые ныне сертификаты? В то же время, закон «О промышленной безопасности» как раз не отменен. То есть, правила безопасности Ростехнадзора остаются в силе... Или нет? Ведь в функции органа технического надзора (п.1. ст. 34) никакое издание никаких норм и правил не входит. И, кстати, следить этот орган (ст. 32) должен вот именно за выполнением тех самых регламентов, которых нет, хотя промышленная безопасность включена в сферу их действия (п.1.ст.7) – значит, закон о ней «действует в части, не противоречащей...»

В условиях правой неразберихи неизбежна политическая игра типа «кто смел, тот и съел». Ростехнадзор, на наш взгляд, имеет сейчас возможность (но не право!) игнорировать росстандартовские сертификаты, формируя собственную схему подтвер-

ждения соответствия... тем самым правилам, которым в новой системе технического регулирования не должно быть места. Заметим, что это делается не «на законных основаниях», а именно в связи с отсутствием таковых. И, как обычно в таких случаях, больше всего бьёт по производителю.

Так что основание для недовольства у производителей есть. Но это – лишь с одной стороны. И временно, ведь регламенты в конце концов появятся. Есть и другая сторона, более фундаментальная. Недовольство зреет потому ещё, что и в этой среде перемены не всем по нутру. Ведь на самом-то деле особой экономии не предвидится. Обязательной сертификации станет меньше, но взамен больше станет добровольной: без нее на рынок не выйдешь, ничего не продашь, не заработаешь. В жизни серьезные изменения в положении производителей, иницилируемые Законом, будут состоять в том, что им придется принимать значительно больше самостоятельных решений: например, что, где и как сертифицировать. Многое к этому не привыкли, они привыкли к однозначным и четким инструкциям, к тому, что кто-то за них все давно продумал и придумал. «Регламентируйте нам все! Иначе мы не можем работать!» – и этот обертон, если прислушаться, тоже звучит в недовольных голосах производителей.

◆ Политика!

Итак, Закон неминуемо должен был вызвать активное противодействие. Он его и вызвал. Авторы были явно готовы к защите «революционных преобразований», причем стали действовать по принципу «лучшая оборона – нападение»... И все же что-то мешает продолжать наш рассказ в духе героики гражданской войны, расписывая, как стойко революционеры сражаются за светлое будущее в борьбе с полчищами врагов прогресса. Потому что (в пылу борьбы?) Закон был вдруг объявлен идеальным и неподверженным критике. И, к сожалению, его разработчики остаются зачастую глухи к конструктивным, дельным замечаниям, а в ответных выступлениях порою «переходят на личности», ускользая от ответов по существу. Почему? Неужели тот же правовой режим семилетнего периода до принятия регламентов нельзя было продумать более тщательно? Так спешили в ВТО, что не хватило времени?

В каком-то смысле так оно и есть. Закон ведь в значительной степени списан с аналогичных зарубежных нормативных актов, а там никаких переходных периодов нигде не было. Что ж, схожесть законов – аргумент при вступлении в ВТО. Осталось в качестве регламентов взять да перевести европейские Директивы – и тогда у нас с ними точно всё гармонизируется! Да?

Нет! Не всё так просто. Правовые системы разные, тупое копирование норм неприемлемо. Был уже такой опыт в начале 90-х (например, странная попытка внедрить у нас американский институт траста) – ничего хорошего не вышло. Но и это не главное. Главное – то, что в России совсем иные отношения как между государством и обществом, так и внутри самого государства. В «старушке» Европе всё в этом плане давно сложилось и выстроилось; там каждый новый нормативный акт, как кирпичик в стену, укладывается в уже существующую стройную систему права. А мы живем в стране, раздираемой самыми разными конфликтами. Роль

³ а любая чрезмерная «обязательность» в нашей стране неминуемо порождает коррупцию.

⁴ имеется в виду роман Дж.Оруэлла «1984» (Прим. ред.)

⁵ Речь идет об обязательной сертификации. «Добровольный» сертификат может также подтверждать соответствие стандарту и/или договору (ст.2), но такой сертификат имеет иную юридическую силу, не давая право на получение знака обращения в случае, если продукция требует обязательной сертификации.

и место государства весьма размыты, оно и само толком не определилось, чего хочет, поскольку представляет собой не единое целое, а клубок слабо согласованных между собой ведомственных, групповых и просто личных интересов.

А теперь вспомним, о чем было сказано выше: что в принципиальном плане делает Закон? Изменяет полномочия государственных органов! Везде, а не только в России, в таких случаях обязательно активизируется политическая борьба. Но у нас, в силу специфики нашего нынешнего государства, политика частенько заслоняет всё и вся. Происходит подмена целей. Настоящая (и декларируемая на словах) цель Закона — безопасность. Нельзя бесследно подменить ее даже такой благодатью, как вхождение в общий рынок, не говоря уж об амбициях отдельных политических группировок и госорганов⁶. Вот мы и наблюдаем следы подмены.

В этом плане наиболее характерной нам представляется горячая дискуссия о «прямом действии» Закона. Многие, кажется, и не понимают даже, что никакого конкретного юридического значения выражение «закон прямого действия» не имеет. Нет этого ни в гражданском праве, ни в административном, ни в уголовном, нигде! Есть в России конституционный федеральный закон, и есть «просто» федеральный закон. Всё! Еще есть кодексы, указы Президента, постановления Правительства, нормативные акты других органов власти. Ну и Конституция, конечно. Но «никакого чебурашки нет!» Это гениально в своей простоте выражение впервые было произнесено, помнится, в отношении как раз Конституции РФ в те времена, когда она принималась. Рождено оно было, видимо, в недрах раннего окружения Первого Президента России. И рождено с определенной целью. Изначально выражение «закон прямого действия» имело вот именно политический, даже больше — популистски-демагогический смысл. А со временем стало означать, что в закон втискиваются нормы, которые при естественной конструкции гражданского права должны находиться в подзаконных актах. И вот тогда он становится «прямого действия». (А иначе, значит, «кривого»?)

Но какой смысл набивать законы утилитарными нормами? Указана ли в регламенте ссылка на тот или иной ГОСТ, или же данный ГОСТ туда переписан от точки до точки — никакой разницы в правоприменении нет! «Коли сам стандарт не имеет силы закона, то и нормы его не обязательны» — неверно! Если на эти нормы ссылается регламент (имеющий силу закона) — еще как обязательны! О чем тогда дискуссия-то, по существу? А вот о чем. В применении норм — да, разницы нет, но она есть в их создании. Ведь законом установлен различный порядок рождения регламентов и стандартов. Регламенты принимаются в качестве федеральных законов (ст. 9) и, таким образом, весь процесс контролируем Правительством (п. 7 ст. 9). Стандарты же просто утверждаются надзорным органом по стандартизации (ст. 16).

Понятно, почему разногласия по вопросу о «прямом действии» неразрешимы на техническом уровне? Потому что это чистой воды политика! Ну и ее верная спутница — демагогия. В аргументации сторон,

несомненно, присутствуют как «интересы Родины» и прочие высокие мотивы, так и различные технические детали. Но на деле — как обычно, делят власть...⁷

Казалось бы, дискуссия о «прямом действии» имеет мало общего с глобальными проблемами безопасности. Ну, проявили авторы Закона недоверие к Росстандарту (а если говорить прямо — то просто «затравили» его, обвинив во всех смертных грехах⁸). Так ведь стандарты теперь может писать кто угодно (п.2 ст.16), а для подготовки регламентов созданы специальные комиссии (п.9 ст.9). Стоит ли обращать внимание на обычные межведомственные «разборки»? Увы, вопрос куда серьезнее. Первый же принцип статьи 12 говорит о добровольности применения стандартов. Значит, наличие в регламентах ссылок на стандарты породит правовую коллизию: регламент, включая всё, на что он ссылается — это нормы, имеющие силу Закона, вовсе не «добровольные». Причем, на наш взгляд, такая коллизия должна быть истолкована «в пользу» стандартов, тем более в статье 11 в качестве целей стандартизации указаны «повышение уровня безопасности» и «содействие соблюдению... регламентов».

И вот здесь мы имеем как раз тот случай, когда политика может заслонить собой существо дела. Правительство стремится не допустить, чтобы часть полномочий по формированию обязательных требований отошла к Росстандарту. Значит, надо исключить из регламентов ссылки на стандарты, как можно больше норм вписать в регламенты! Но если туда вписать слишком много норм — это чревато торможением научно-технического развития! Если завтра кто-то придумает новый способ, как с помощью конструктивных особенностей оборудования обеспечить его безопасность — понадобятся изменения в регламент, которые вносятся в том же порядке, что и при принятии регламента (п.10 ст. 9). Процедура эта может растянуться на год и больше...

Мы не будем останавливаться на других предметах споров и разногласий. Отметим лишь одну общую деталь. Со стороны сторонников Закона, судя по всему, наблюдается дефицит компетенции в технических вопросах. (Сам автор не способен его увидеть, поскольку и сам некомпетентен, но не могут же все критики в один голос врать на сей счет?). Со стороны же его противников — не менее явный дефицит правовой грамоты. Ведь нельзя же, в самом деле, критиковать норму, вырывая ее из контекста Закона и всего законодательства!

В результате ни одна из сторон не может (или не хочет?) взглянуть на все проблемы в комплексе, системно, не старается понять чужие аргументы, отмечая их с порога. Порою кажется, что они говорят на разных языках. И почему-то вспоминается притча по то, как слепые мудрецы исследовали слона. Ещё Форд писал о противоречиях между двумя типами мышления: «монетаристским» и «технократическим». Наверное, и в нашем случае мы наблюдаем проявление таких противоречий. Но неразрешимыми они становятся именно тогда, когда подменены цели, и аргументы в споре имеют мало общего с истинными стремлениями спорящих.

⁶ Здесь необходимо отметить деталь, важную для понимания дальнейшего. Автор оставляет за рамками текста тот факт, что Закон создан «под крылом» (а кто-то скажет «под крышей») Правительства. Т.о., «разработчики Закона» и «Правительство» — «по одну сторону баррикад» (*прим ред.*).

⁷ а, значит, и деньги (*прим ред.*).

⁸ Теперь, например, неизвестно, будет ли Росстандарт проводить аккредитацию органов по сертификации: ст. 31 Закона оставляет вопрос об этом открытым, но — заметим — в ведении Правительства.

◆ Будущее

Большинство ляпов, подмеченных критиками в Законе, на самом деле не так уж и важны. Будущее Закона, на наш взгляд, значительно сильнее зависит от одной незаметной червоточинки, заложенной в нем изначально. Дело в том, что Закон сделан в стиле, характерном для европейских нормативных актов. Возможно, потому что с них и списан. Чем чревато применение чужих нормативных систем в наших условиях — мы уже вскользь отмечали. Но то касалось регламентов. А сам закон? Попробуем копнуть глубже.

Мы обнаружим, что всё тело Закона (и той системы, которую он предназначен сформировать) пронизывает каузальное⁹ начало. Скелет логической структуры Закона — цели и принципы, сформулированные в статьях 3, 6, 7, 11, 12, 18, 19, в контексте которых следует рассматривать все остальные его нормы. Именно вышеупомянутые статьи есть основа для толкования и самого Закона, и будущих технических регламентов, и нормативных актов инструктивного характера, принятых в раскрытие требований Закона. Многие не понимают юридического значения данных статей, считая их «общими словами», причем очевидными до банальности. Причем эти «многие» — не только среди противников, но и в стане сторонников Закона. Переписывали, не задумываясь?

В другое время в другой стране каузальный характер Закона можно было бы только приветствовать. Здесь и сейчас — увы! Парадокс: Закон прогрессивен — и именно поэтому не вполне адекватен реальной жизни!

Ведь что есть любой закон сам по себе? Набор слов. Реальное отправление его осуществляется на местах: надзором и судом. И на этом уровне возможны столь значительные искажения, что суть закона может запросто выхолоститься. В традициях российских надзорных органов действовать по принципу: «А нам закон не указ! Что хотим, то и воротим! Как понимаем цели своей деятельности — так и действуем!» К примеру, инструкции ГНС легко и непринужденно противоречат нормам законов. Налоговики проигрывают до 70% судебных процессов — и хоть бы хны. Потому что есть и другая цифра: более 90% налогоплательщиков почему-то безропотно идут на поводу госпожи Инструкции, даже не задумываясь о том, что есть закон, во исполнение которого она принята... вроде бы. Ну и кто формирует фискальную политику, Правительство или ГНС?

Судебная система, будучи неотъемлемым (и важнейшим!) элементом государства, тоже проявляет

⁹ В гражданском праве каузальное обязательство (норма), в отличие от абстрактного, приобретает силу лишь при условии соответствия цели его (ее) возникновения. Например, договор займа — каузален, он действует лишь при условии, что заем фактически передан. И я не обязан вернуть заем, если его не получал, под чем бы ни подписался в договоре займа. В связи с этим, кстати, заем неприемлем для т.н. «схем». Наоборот, обязательство из векселя абстрактно, имеет силу независимо ни от чего — просто из факта наличия векселя. Потому вексель и применяется повсеместно в «креативной бухгалтерии».

Следуя логике автора, можно (и важно!) сделать вывод, что каузальными являются не только нормы Закона, но и нормы всех актов (регламентов, инструкций), принятых в сфере технического регулирования. Они не действуют, если не соответствуют установленным в Законе целям и принципам! (прим. ред.)

все его черты, и тоже живет у нас как бы сама по себе. И может, чарующая фраза «закон прямого действия» нужна именно как подсказка судам, мол, глядите сначала в закон — потом в инструкцию? О да, закон сильнее инструкции и без подсказок, но нелишне об этом напомнить...

Состояние российской судебной системы имеет непосредственное отношение к выдвинутому нами парадоксальному тезису. Модно говорить о «продажности» судов, однако мы полагаем, что они «продажны» не более, а скорее даже менее, чем многие другие государственные институты. У судей не хватает не денег, а формальной логики и, главное, опыта разрешения рыночных хозяйственных споров, что гораздо хуже. К примеру, подавляющее большинство споров, связанных с техническим регулированием, до сих пор разрешалось не в судебном, а в административном порядке. И только теперь, именно в связи с тем, что Закон переводит значительную часть отношений в этой сфере в плоскость гражданского права, подобные споры начнут поступать в суды. И как они будут там рассматриваться?

...В первой половине 90-х годов российская судебная система впервые столкнулась с корпоративными отношениями, о которых до этого слыхом не слыхивала. Во второй половине 90-х она получила «в подарок» тысячи дел о банкротстве, рассмотрение которых требует известных знаний в микроэкономике. При том нормативная база в обоих случаях была сыrovата — вот точно так же, как сейчас в сфере трехрегулирования. Как происходило «становление» упомянутых институтов — кто бы спорил, крайне важных для рыночной экономики — лучше не вспоминать. И «конвертированная валюта» служила иной раз аргументом в судебном споре именно потому, что других аргументов судьи не могли, не умели, а иногда и не хотели искать.

Увы, неграмотность и недостаток логики «пускает под откос» любую каузальность. Возьмите Закон, прочитайте перечисленные выше статьи (в которых изложены цели и принципы) и попытайтесь представить себе, как суд будет их применять? Сколько ни рассуждай про «прямое действие» — напрямую эти нормы ну никак не применить! А чтобы доказать, что, допустим, норма той или иной инструкции противоречит принципам Закона — требуется логика и специальные знания. Которых — увы... Потом, по итогам кассации, возможно, и появится «правильное» толкование нормы, изложенное прямым текстом в постановлении Высшего арбитражного суда. И только тогда начнется «прямое действие». А пока суд да дело...

...В конце концов, «пообтесавшись», и корпоративное право, и законодательство о банкротстве обросли практикой, официальным толкованием, в сами законы были внесены назревшие изменения. И оба этих института приобрели, наконец, более или менее цивилизованные очертания. Но произошло это только после того, как они сослужили целям, «слегка» отличным от тех, благородных, что были декларированы вначале. Уходит на это обычно лет пять.

И есть определенные опасения, которые мы постарались проиллюстрировать в данной статье, что с рассматриваемым здесь Законом получится «как всегда». В таком сценарии следует дожидаться

принятия основной части технических регламентов, затем подождать те самые пять лет, пока «всё утрясется», после чего вернуться к вопросу о качестве Закона. К тому времени всем станет ясно, в чем и почему он не работает или работает «не в ту сторону». Но одно дело – «приХватизационное» акционирование со всякими МММ в довесок, или банкротство со стрельбой и «черным пиаром». Грустно, порою страшно, и даже изредка смертельно. И всё же совсем другое – Чернобыль...

Несомненно, есть и более оптимистические сценарии развития событий. Но в упомянутых двух примерах почему-то реализовался именно этот, «беспредельно-правовой». Есть ли у нас основания для уверенности в том, что на сей раз мы пойдем другим путем? В чем истоки «беспредела»? И изменилось ли ныне что-либо по сравнению с прошлым десятилетием?

Причины происходившего и происходящего следует искать в том, что в реальности Право не есть лишь сам Закон, даже вместе с его толкованием Надзором или Судом. Право – это еще и Гражданское правосознание. И в этом смысле Россия пока далеко не правовое государство. В том-то и дело! Каузальный характер закона предполагает, даже требует наличия в обществе определенного уровня гражданского правосознания. А его нет... Надо честно признать, что в целом наша общественно-политическая система не созрела до правовых норм подобного характера. Это и делает Закон неадекватным, это оборотная сторона его правополитической тенденциозности.

Вот, скажем, в ряде публикаций подверглась критике норма Закона о системах добровольной сертификации (ст. 21), вполне современная и цивилизованная. Недовольство вызвало то, что такие системы не обязательно регистрировать. Опасения, что компании-монополисты будут использовать данную норму для дискриминации поставщиков, мы не разделяем. Поставщики, особенно крупные – достаточно грамотны, либо должны таковыми стать в преддверии ВТО. Есть антимонопольное законодательство, в самом Законе прописаны принципы стандартизации (ст. 12¹⁰). Наконец, есть практика, положительный опыт борьбы с подобными попытками. Например, Российская ассоциация производителей насосов в 2004 году вполне успешно выступила против системы «ЭНСЕРТИКО», создавшей обязательный барьер для поставщиков РАО ЕЭС.

Но вот когда речь заходит о рынке услуг для населения – тут, на наш взгляд, действительно можно предположить, что необязательность регистрации приведет к созданию систем добровольной сертификации в мошеннических целях. Потому что трудно ожидать от нашего населения шквала обращений

¹⁰ абз 5: принцип недопустимости создания препятствий производству и обращению продукции

в суды и в антимонопольную службу. Никакие законы и общества по защите прав потребителей не смогут вбить этим потребителям в голову, что в первую очередь именно они сами, потребители, должны хотеть и уметь защищать свои права.

Другой пример. Важнейшим элементом предотвращения проникновения в процесс создания регламентов недобросовестной конкуренции является публичное обсуждение их проектов (п.4. ст.9). Но в стране, где десятилетиями (если не столетиями) складывалась система подавления гражданской активности, где государство всегда всё за всех решало само – упомянутая норма выглядит несколько беспомощно, не правда ли? К тому же норма п.2 ст.7 Закона: «Требования технических регламентов не могут служить препятствием осуществлению предпринимательской деятельности...» ссылается на цели Закона, и ее применение, как упоминалось выше, неминуемо вызовет затруднения у судов.

В России действительно необходимо административное начало в большей степени, нежели в Европе. Так исторически сложилось. И покуда мы не перестанем делать вид, что мы такие же демократичные и цивилизованные, как они, что мы всё умеем и понимаем (и потому нас надо спешно приобщать к мировому сообществу) – от недоразумений и парадоксов, от синдрома «как всегда» никуда не деться. Новым Законом государство передало обществу широкие права в сфере техрегулирования. Но почему-то не задалось при этом вопросом, а готово ли общество их взять? Дефицит регулируемой на законных основаниях власти в любой сфере жизни нашей страны неминуемо порождает власть нерегулируемую, попросту именуемую «беспредел».

Мы вынуждены сделать вывод, который можно считать пессимистичным: Закон, скорее всего, имеет переходный характер. Одна из его целей – создание иллюзии соответствия российской системы технического регулирования тем требованиям, что необходимы для ВТО. А «истинное призвание» Закона, если хотите, его сакральный смысл в том, чтобы разрушить ныне действующую систему технического регулирования, неэффективную и потому не соответствующую требованиям глобальной конкурентоспособности страны. Что куда важнее формальностей типа ВТО.

Но создать новую систему рассматриваемый Закон не сможет. Да и никакой закон не сможет. Это должны сделать люди. Поэтому мы обязаны в завершение данной статьи – и пусть это и будет выглядеть смешным с точки зрения циничной «высокой политики» – призвать противоборствующие стороны уважительно прислушаться к мнению друг друга. Ведь только объединив усилия, они смогут хотя бы попытаться сделать не «как всегда», а «как лучше».

Затерянный в умственных пустынях моей страны, я долго полагал, что я один истощаю свои силы над этой работой или имею, по крайней мере, лишь немного сотоварищей, рассеянных по земле; впоследствии я открыл, что весь мыслящий мир движется в том же направлении; и великим был для меня тот день, когда я сделал это открытие.

Петр Яковлевич Чаадаев